

Валерий Дашкевич

Родился в 1964 году в Актюбинской области. Детство и юность провел в Сибири. Служил в армии. Учился в Омском филиале АГИКа. Работал журналистом, режиссером на телевидении, в книжном издательстве. Участвовал в литературной жизни Омска, Барнаула, Тобольска. С 1993 года жил в США, но связи с Россией не терял. Стихи и проза публиковались в журнале «Дружба народов», альманахах «Встречи» (США) и «Побережье» (США), в «Антологии русской поэзии Новой Англии» (США), а также в коллективных сборниках «Складчина» (г. Омск) и др. В 2021 году вернулся в Россию. Автор трех поэтических книг: «Ангел сумерек», «Сизый ворох Сизифа», «Жить». Живет и работает в Барнауле.

Без печали не быть печальнику.
Жизнь бессмысленна. Боль тиха.
И у ночи глаза по чайнику,
А заварки — на полстиха...

Как вам всем там живется, дышится?
Да и дышат ли, право, там...
Видно снова мне не допишется,
И до срока лежать листам,

Как февральское поле белое,
Где стою я один в тоске.
И с собой ничего не сделаю,
Будто ферзь на пустой доске.

Хроники

I

Не дышу, задыхаюсь — с раннего
утра до покойного дня.
Со стихийным бедствием сравнивая,
ты с толпой сравнишь меня.

II

Пустое, зряшное, при виде
ее несешь, как идиот...
Зима холодная приидет,
и блажь горячая пройдет.
А там... глядишь, перепадёт —
Мертвец живого не обидит...

III

...поспотыкаться, поскитаться,
поститься, потчевать тоску,
пытаться промыслом питаться
не Божьим... скучно потаскух
таская в платные палаты,
тщету, что бестолку толлок
в затылке, — пестовать в полете
в зеркально-грязный потолок...
...скрипя небритым подбородком
по белой, в родинках, руке,
с какой-то женщиной-подростком
все в той же маетной тоске
проснуться...

IV

...брюки в изголовье...
изголодавшись,
мужчина думает о плове
и о предавших его...
о пиве, о постели,
в которой пусто...
и дух урчит в здоровом теле,
когда он, пузо стянув ремнем,
плетется вяло
за сигаретой...
А на окне мимоза вянет.
Но не об этой, а о другой судьбе —
отцветшей, уже не сущей —
мужчина думает,
от ветра в горсти несущий
окурок, —
узким переулком в муке поземки...
Потом плывет в пространстве гулком
кишкой подземки
туда, где — сущая ль сюжета,
игра ли мозга —
в окне протяжным липким цветом
кричит мимоза.

Еще одна убитая весна
Опять полна бесплодных ожиданий.
А на висках все ярче седина
И ни хрена в дырявом чемодане.

Позволь мне вспомнить, помоги,
Мои уютные долги.
Ведь я от скуки позабыл,
Каким я был. Когда я был...

А жизнь идет куда-то без меня.
И мастерски летают Маргариты...
И никого напрасно не виня,
Я понимаю, жизнь сменила ритм.

Тебе ль заметить с высоты
Мои бесстыжие мечты...
Тебе ли — главному врачу —
Не знать, о чем я промолчу...
Ты лучше вспомнить помоги
Мои заветные долги.
Ведь я от скуки позабыл,
Каким я был. Когда я был.

Еще одна убитая весна...

Не верь. Я войду в эту дверь
Затем, чтобы вновь уйти, —
Вкусив откровения вен,
Весь мир унося в горсти.
Не верь — ни сейчас, ни потом, —
В бреду ли, в пылу, во сне,
Когда ты запекшимся тянешься ртом —
Допустим, ко мне...

Не верь ни слезам, ни словам,
А пуще — стихам, речам.
Иной и распятый не выл — зывал...
Иной и без мук кричал.
Не верь мне, не верь, как не верит никто —
Мольбам далеко до молитв...
Любовь не блаженство. Любовь — это то...
Лишь то, что болит.

Не верь — как, заботясь, шептали друзья
И тот, кто ушел поутру...
Не верь мне, не верь — потому что лишь я
Тебе не совру.

Моя малышка печалится,
Вздыхает моя сиротка.
Ее улыбка сползла с лица,
Сломавшись у подбородка.

А я ей снова, как идиот,
Попавший в постель по пьянке, —
Не плачь, дитя мое, все пройдет,
Как ночь, как бутылка кьянти...

К чему игратья чужой судьбой,
Не предрешенной, как эта...
Но нет препятствий, поскольку боль
Всегда вызывает эхо.

И вновь мне мысли терзать до зари,
Себя усмиряя, лоха.
И прятаться у нее внутри,
Когда мне снаружи плохо.

Коль наскучу, как добропорядочный сэр,
Осененный заморскими ксивами...
Или стану досаден, докучлив и сер —
Ты заткнешь эту брешь детективами.

Полно, хватит листать криминальную чушь!
Назову тебя Меткою Деткою...
Поддержи начинанье, ведь я тебе муж —
Развлечемся хоть русской рулеткою.

Поддержи, чтоб не дрогнула в спешке рука,
Чтоб сомнений не выказать признака.
Я за это потом расскажу тебе, как
Человек превращается в призрака.

Двум страстям не бывать,
а одной — миновать...
Усмехаться губами сухими
и себя укорять вдругорядь.
Повторять твоё звонкое имя.

Притворившись собой, окунаться в бедлам —
по делам, будто зверь на добычу.
Поделом тебе. Жизнь поделив пополам,
я ли взор оскорбленно набычу...

В пот и плоть облаченный, безумствует бес
или Бог вездесущий — от скуки...
то бездумно ладони протянет тебе,
то опустит ненужные руки.

Поделом. Беспробудных ночей нищета,
пробуждений досадных рутин...
Повезет — поползет, не щадя живота,
по обложке морщин паутина.

...стать собою. Твой сон на заре целовать —
Вот, мол, я — семьянин и добряга...
Двум страстям не бывать,
а одной — миновать, —
как шутил назаретский бродяга.

«Девочка плачет — шарик улетел...»

Б. Окуджава

И шарик воздушный, объят пустотой,
Несется в полуденном свете.
И ты не окликнешь, не крикнешь — постой...
И бездна на крик не ответит.

И взор воспаленный летит в пустоте
К той девочке, скачущей в «классы»,
Что целую вечность стоит на черте,
Ловя ощущение баланса.

Неровно очерчен порог болевой,
Но замкнут жестоко и веско.
Полуденный мир за чертой меловой,
Черты невозвратного века...

И шарик из рук, ничего не сказав,
Вспорхнет безрассудно и дерзко.
И горечь утраты защиплет глаза,
Как запах горчичников детства.

Гражданская

Гаснут пыльные сумерки.
И стоят у тропы
Любопытные суслики —
Верстовые столбы.
Пахнет гарью и мятою,
Стременною судьбой...
Вам, иным, непонятные —
Мы готовимся в бой.

Как безвыходно, слышите,
Ржут от боли вдали
Недобитые лошади
В придорожной пыли...
Вот, ребята, и дожили,
Допились тишины.
Перед промыслом Божиим
Наши планы смешны.

Ну, скажите, не звери ли
Те, кто братьев стравил...
Мы по совесть в безверии.
Мы по ножны в любви.
Кровь кислит костяникою,
Мал порог болевой...
И суровою ниткою
Сшит блокнот полевой.

Эй, далекие правнуки,
Вам, считай, повезло.
Вам известно — как правильно,
Где добро, а где зло.
Что ж, мы сгинем, негодные,
Перестав убивать, —
Чтоб вам было вольготнее
Нас, таких, забывать.

Ах, Настасьи, Констанции,
Ковыли, лопухи...
Ничего не останется.
Разве только стихи.

Гаснут пыльные сумерки.
И стоят у тропы
Любопытные суслики —
Верстовые столбы.
Недовольно отсрочкою,
В ночь ворчит воронье...
И суровую строчкою
Сшито сердце мое.

2014

Остановись, мгновенье, ты прошло.
Нет времени понять, что с нами стало.
Стекаем незаметно, как стекло.
Блудим, как заблудившееся стадо.

Но всяк в толпе умрет особняком,
Устав от снов — несбыточных и странных.
В России, где светлело от икон,
Отныне лишь иконки — на экранах.

Их бледный отсвет в мыслях и глазах.
Нерусский слог сквозит в любом глаголе...
И я смотрю, вернувшийся назад,
На эту казнь — зевакой на Голгофе.

Пока страна, вздыхая тяжело,
Спасенья ждет — от Бога ли, царя ли...
Остановись, мгновенье, ты прошло —
Пока мы сдуру вечность примеряли.

От осознания утраты —
До осознания вины
Мы бесполезны, как солдаты,
Не пережившие войны.

И долог день, и век короток,
И все бессмысленно кругом.
И дух один, как зимородок,
Листает сумерки крылом

В краю, где нет родных и близких,
В юдоли грешной и больной,
Где холодны, как обелиски,
Стоят покинутые мной.

Пусть слова мои неброски
и дела мои не шибки.
И обязывают мудрым
стать прошедшие года...
О, во мне вот столько такта —
чтоб ругать свои ошибки!..
Но кураж еще не сгинул,
чтоб умолкнуть навсегда.

Пусть уже неисцелимо —
что под спудом лет гноилось,
и уже не отпускает,
как хроническая боль...
О, во мне полно цинизма,
чтоб презреть свою наивность.
Но пока хватает Бога —
не смеяться над собой.

«Ува! Ува! И голова...» —
и пусто, словно в поле.
И вряд ли ведают шорьки,
пыряясь по наве,
Как много правильных вещей
я сделал до и после
Любви, которая сожгла
все пробки в голове.

За нами ангелы следить
забыли предписанье.
А черти помнили расклад,
подкидывая в масть...
И становилось все грехом —
и легкое касанье,
И обреченная судьбой
безвыходная страсть.

Как много правильных вещей
я понял издалёка —
Из далека, из поздних дней,
бесцветных и пустых...
Как не хотел я замечать
ни знака, ни намека,
Ни безвозвратно и дотла
горящие мосты.

Как много правильных вещей
в любовном Зазеркалье,
Где правда зиждется на лжи,
проклятья — из молитв...
Мы получили все сполна —
чего и не искали.
«Ува! Ува! И голова...» —
и сердце все болит.

Absent¹

Не суть — абсент ли, виски ль наливая,
Почил поэт. Но надо ж так суметь!
Какая аккуратная, не злая —
Сказал бы даже — ласковая смерть...

Я тоже так не против удалиться.
Куда? Ну, это место не для вас —
В тот бар одни пройдохи и провидцы
В урочный час получают «мультипасс».

Вот ты богат, тебя имеют вещи,
Машины и валютные счета.
Но, сколько ты лапшу себе ни вешай,
Иным твое богатство — нищета.

А я, попав в силки стихотворенья,
Любому неподвластные ножу,
Богат одним пронзительным прозреньем,
Которое слагаю и твержу.

Нам не гулять по городу Парижу,
Нас заждалась нездешняя трава
И темнота, которую провижу,
Откуда лезут цепкие слова.

Они меня живого не отпустят —
И я войду, швейцару сдав жетон,
Туда, где к месту предаваться грусти,
Словам и мыслям о пережитом.
Любой из нас — частица звездной пыли.
И пусть жестокий мир немного жаль,
Но правда в том, что мы на свете были.
А значит — нам весь мир принадлежал.

¹ Absent (отсутствующий, англ.)

Вряд ли мудрость значит — старость.
Почеси за ухом монстра,
Прогуляй его на пристань,
На замок его запри.
Для души твоей осталось
Только знание Калиостро,
Только счастье Монте-Кристо
Да полет Экзюпери...

Поиск правды, дух скитаний
И жестокой жажда мести —
Эти юности утехи
Безысходны и глупы.
И когда тебя не станет,
Все останется на месте —
Войны, споры, ипотеки
И мотельные клопы.

Есть одно, пожалуй, средство
Изменить сей мир немного —
Для себя, не для иного,
Пусть и родственной души.
Но не нужно ухо резать —
Придержи в себе Ван Гога
И оставь в покое Бога...
Просто — мысли запиши.